

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

УДК 930.26

ЧАХКИЕВ Джабраил Юрьевич

ОРУЖИЕ И ВОПРОСЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ВАЙНАХОВ (XIII—XVIII вв.)
(археолого-этнографическое исследование)

Специальность 07.00.06 — Археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

МОСКВА — 1986

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Назревшая острая потребность специального исследования оружия и ряда вопросов военного искусства вайнахов (чеченцев и ингушей) позднего средневековья диктуется как постоянным ростом источников базы, так и значительным отставанием степени изученности военного дела горцев Чечено-Ингушетии, да и всего Северного Кавказа, на фоне других областей и регионов нашей страны, а также значительными практическими необходимостями дня.

Цели и задачи исследования. Основной целью настоящей работы является разностороннее изучение оружия и некоторых наиболее слабоизученных важных вопросов военного искусства позднесредневековых вайнахов, получившая выражение в следующих конкретных задачах:

- полный сбор и анализ всех известных, доступных археолого-этнографических и иных исходных источников и работ;
- рассмотрение бытовавших образцов вооружения, их классификация, установление хронологии и эволюции, наиболее характерных методов и приемов использования в бою;
- установление, как в процессе развития оружия и военного искусства вайнахов в данный период истории достижения соседей сочетались с собственным опытом;
- раскрытие особенностей местных башенных фортификационных сооружений, тактики их осады и обороны;
- освещение основных функций и роли в обществе непосредственных мастеров-строителей оборонительных комплексов.

К тому же, рассматривается и ряд других вопросов и проблем, прямо относящихся к этой теме или тесно связанных с ней.

Научная новизна и практическая ценность работы. Впервые в научной практике не только края, но и всего Северного Кавказа и Дагестана, предпринимается попытка специального, обобщающего исследования позднесредневекового оружия и ряда вопросов воен-

ного искусства чеченцев и ингушей на основе разнообразных исходных данных, большая часть которых еще не подверглась осмыслению или же добыта в результате новейших археолого-этнографических изысканий (в том числе и проведенных автором).

Практическая значимость всестороннего изучения поставленной проблемы состоит в острой необходимости уже сегодня использовать полученные выводы и фактические материалы при написании сводных, обобщающих и конкретных трудов по археологии, истории и этнографии края (в частности, позднесредневековых разделов двухтомной «Истории Чечено-Ингушской АССР») и Северного Кавказа, организации туристической и краеведческой работы (в особенности, в школах), в лекционной пропаганде по военно-патриотическому и интернациональному воспитанию населения, культурно-просветительной деятельности музеев, а также при чтении в вузах нашей страны археолого-этнографических и историко-краеведческих дисциплин и спецкурсов, в обучении курсантов и слушателей военных учебных заведений, при постановке кинофильмов, спектаклей и театрализованных представлений, в творческой работе писателей, художников и т. д.

Апробация результатов исследования осуществлялась прежде всего путем публикации 27 научных работ в археолого-этнографических изданиях (в Москве, Тбилиси, Баку, Краснодаре, Элисте, Орджоникидзе, Грозном). Кроме того, по итогам своих изысканий автор выступил с докладами и сообщениями на заседаниях «Кавказоведческого семинара» при кафедре всеобщей истории ЧИГУ им. Л. Н. Толстого, республиканских научных конференциях молодых ученых и специалистов ЧИАССР (1981, 1984 гг.), региональных конференциях «Археология и краеведение — вузу и школе» (1981, 1985 гг.), III Всероссийской конференции по проблемам историографии истории народов Северного Кавказа и Дона (1982 г.), конференциях по итогам научно-исследовательской работы ЧИГУ (1981, 1983, 1986 гг.), Душетской Всесоюзной археологической сессии, посвященной вопросам взаимосвязей между равнинными и горными регионами (1984 г.), Всесоюзной археологической конференции «Достижения советской археологии в XI пятилетке» (1985 г.), Всесоюзном симпозиуме «Героико-исторический эпос и его значение для художественной культуры народов Кавказа» (1985 г.), республиканской научно-пропагандистской конференции «Л. П. Семенов — профессор-кавказовед, ученый-интернационалист (К 100-летию со дня рождения)» (1986 г.). В докладах и сообщениях, опубликованных статьях отражены основные выводы и положения настоящей работы.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав и заключения. К диссертации прилагаются: приложение-примечания, библиография, список сокращений и альбом иллюстраций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» обоснована актуальность избранной темы, сформулированы цели и задачи исследования, ее новизна и практическая значимость. Здесь же проводится обзор наличных разнообразных (археологических, этнографических, исторических, фольклорных, лингвистических и др.) источников, а также основной литературы.

Источниковой базу работы составляют добытые преимущественно после Великой Октябрьской социалистической революции археолого-этнографические и иные материалы (большей частью неопубликованные) Л. П. Семенова, И. П. Щеблыкина, Е. И. Крупнова, В. И. Марковина, В. Б. Виноградова, С. Ц. Умарова, М. Б. Мужухоева, Р. А. Даутовой и других исследователей. Значительная часть исходных данных добыта автором в результате самостоятельных археолого-этнографических изысканий с 1979 г. или же при его непосредственном участии в полевых работах отрядов Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л. Н. Толстого и Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» института истории, социологии и филологии (начальник — профессор В. Б. Виноградов) и 2-го археологического отряда ЧИИИСФ (руководитель Р. А. Даутова) в 1975—1979 гг. В работе привлечены как опубликованные, так и (большей частью) архивные материалы и фоновые коллекции, хранящиеся в Институте археологии АН СССР, Ленинградском отделении ИА АН СССР, Государственном историческом музее, Оружейной Палате московского Кремля, Государственном музее Грузии им. С. Н. Джанашиа, ЧИГУ, ЧИИИСФ, Чечено-Ингушском, Дагестанском, Северо-Осетинском, Кабардино-Балкарском республиканских краеведческих музеях, школьных и народных музеях ЧИАССР (в сс. Майртуп, Махкеты, Мескеты, Мужичи, Джейрах, Советское и т. д.). Анализируются материалы и из ряда коллекций местных собирателей древностей.

Историография рассматриваемой проблемы сравнительно невелика: нет еще ни одной сводной, обобщающей работы по этой теме, но существует определенное количество исследований, прямо, косвенно или частично касающихся тех или иных ее сторон. Причем, если некоторым аспектам военного искусства (башенной фортификации, тактике их осады и обороны) специалистами довольно часто уделялось внимание, то в отношении предметов вооружения дело обстоит гораздо хуже. Хотя и предпринимались некоторые попытки его изучения, но имеющиеся работы являются либо просто публикациями археологических материалов из узколокальных районов края, дающими лишь некоторые элементы истории оружия, либо (в основном) только краткими описаниями находок, без достаточной их научной интерпретации.

В дореволюционный период отдельных вопросов темы касались И. А. Гольденштедт, П. С. Паллас, Л. Штедер, Я. Потоцкий, Х. Гейслер, У. Лаудаев, Ч. Ахриев, В. Ф. Миллер и другие исследователи.

В советское время посильный вклад в разработку отдельных сторон исследуемой темы внесли работы Н. Ф. Яковлева, Б. Плечке, Л. П. Семенова, И. П. Щеблыкина, Е. И. Крупинова, А. И. Робакидзе, Х. Д. Ошаева, А. И. Краснова и др. В последние два десятилетия определенных успехов в этом направлении достигли В. И. Марковин, В. П. Кобычев, В. Б. Виноградов, Н. Г. Волкова, С. Ц. Умаров, М. Б. Мужухоев, А. Ф. Гольдштейн, Х. М. Мамаев, И. Ю. Алироев, И. А. Дахкильгов, У. Б. Далгат, С.-М. А. Хасиев. Правда, в ряду трудов (в частности, В. И. Марковина, М. Б. Мужухоева, А. Ф. Гольдштейна и др.) имеются существенные ошибки и упущения, значительно снижающие качественную сторону проведенного исследования.

В целом же, несмотря на попутное изучение некоторыми исследователями отдельных аспектов позднесредневекового оружия и военного искусства вайнахов, эта важная тема остается до настоящего времени еще не раскрытой и остроактуальной, что диктует необходимость полного сбора и анализа всех разнообразных накопленных источников с привлечением и учетом материалов с со- предельных районов и регионов.

Важным подспорьем в освещении избранной темы послужили труды по вопросам военного дела классиков марксизма-ленинизма, ряда ученых-медиевистов нашей страны (А. Н. Кирпичников, А. Ф. Медведев, Г. А. Федоров-Давыдов, К. К. Чолокашвили, П. П. Закарая, М. В. Горелик, Ю. С. Худяков, П. А. Раппопорт и др.).

Первая глава — «Наступательное оружие вайнахов позднего средневековья» — посвящена характеристике бытовавших образцов метательного, рубяще-режущего, колющего, ударного и огнестрельного оружия, основным методом их использования местными воинами в бою и некоторым иным вопросам.

В § 1 подвергнуты анализу прежде всего материалы уникальной для Кавказского региона по сохранности и количеству наличной коллекции ручного метательного оружия — луков (детские простые, сложные и сложносоставные) и стрел, отдельные принадлежности лучника, а также и арбалеты (самострелы).

Устанавливается, что основы генезиса позднесредневековых вайнахских луков были тесно связаны с общими тенденциями развития лучного оружия, претерпевшими на Северном Кавказе (особенно горном) определенную трансформацию под влиянием ряда условий (многочисленности населения, сохранившего свои традиции, природными факторами и т. д.)

Сложные луки вайнахов, наиболее близкие к экземплярам руч-

ного метательного оружия предшествующего времени, еще бытова- ли в XIII—XIV вв., однако их было мало и к концу периода они исчезли, уступив полностью место мощным образцам сложносоставных луков.

В целом же, позднесредневековые луки Чечено-Ингушетии своим происхождением оказались связанными прежде всего с северо-кавказскими луками предшествующего времени и развивались на их основе. Вместе с тем, в лучном оружии вайнахов совершенно четко отразились почти все достижения «евразийского масштаба» в технологии изготовления луков, что могло иметь место лишь при высоком уровне мастеров и творческой переработке заимствованных образцов с учетом специфики местных условий.

Проведен анализ сохранившихся стрел, их составных частей. Наконечники стрел (более 650 экз.) все железные, в подавляющем большинстве черешковые (исключение — 3 втульчатых экз.), подразделяющиеся на группы: плоские (15 типов), граненые (13 типов) и лопастные (3 типа). Около 50% из общей массы находок составляют т. н. бронебойные наконечники, что в определенной мере свидетельствует о степени распространенности оборонительного доспеха в данный период у населения края и их ближайших соседей. Произведены пересмотр и уточнение существующей хронологии наконечников (С. Ц. Умаров, М. Б. Мужухоев) из отдельных районов края. В XIII—XV вв. у вайнахов бытуют как широколезвийные, так и узколезвийные наконечники, а позднее полностью господствуют типы последних, приобретая более узко-вытянутую конфигурацию пера.

Для хранения луков и стрел воинами нередко использовались кожаные налучья и колчаны на деревянной основе.

При стрельбе вайнахские лучники применяли и специальные железные предохранительные кольца и кожаные напалечники (наперстки), посредством которых (наряду с традиционными приемами) велась стрельба «монгольским» и «средиземноморским» способами.

В рассматриваемое время вайнахами широко использовались, особенно при обороне местных фортификационных комплексов, также и самострелы.

Из-за наличия целого ряда преимуществ перед еще несовершенными образцами появившегося ручного огнестрельного оружия, лучное оружие бытовало у чеченцев и ингушей до конца XVIII в.

В § 2 рассмотрены 3 типа ручного камнеметательного праща-вого оружия, широко популярного в связи с простотой конструкции и изготовления у вайнахских воинов и особенно малоимущих представителей местного общества позднего средневековья: собственно простая праша, а также и ее модифицированные образцы — под местным наименованием «ширдолаг» и «т'улга-гад» («лук для камня»). Причем пращи последних двух типов пока не

находят близких аналогий и, по-видимому, являются специфически вайнахскими видами наступательного оружия. В снаряжение пращника входили каменные ядрышки (фиксируемые на поселениях и в погребениях края), которые содержались в специальных кожаных сумках. Для военных целей отмеченные типы пращей употреблялись горцами Чечено-Ингушетии до самого конца позднего средневековья, а в качестве охотничих и пастушьих орудий использовались даже в нашем столетии.

В § 3 описаны и классифицированы плоские и граненые наконечники железных втульчатых копий (6 типов) и дротиков (6 типов), предназначенных как для поражения в основном не имевшего оборонительного доспеха врага и его конницы, так и для эффективного противоборства с защищенным металлическим предохранительным вооружением противником. В последнем случае наиболее важную роль играли сравнительно узкие шиловидные пики, служившие преимущественно специализированным кавалерийским оружием. Наибольшее количество, разнообразие форм и типов данного колющего оружия вайнахов наблюдается во второй половине XIII—XV в. — в период наивысшей внешней угрозы со стороны пришлых монголо-татарских орд. Прослеживается бытовавший в позднем средневековье у вайнахов и тушин горной Грузии интересный обряд оставления обломка копья в могиле павшего воин-героя (Л. П. Семенов). Устанавливается использование дротиков местными горцами (наряду с прямым функциональным назначением) и при стрельбе из ручного огнестрельного оружия. Для увеличения дальности метания этих образцов колющего оружия, силы и особенно меткости их ударов вайнахами применялись 2 типа копьеметалок.

В § 4 подвергнуты анализу бытовавшие в составе боевого снаряжения позднесредневековых вайнахов экземпляры мечей, палаши, сабель и шашек, являвшиеся эффективным клиновым оружием (подверженным постоянному совершенствованию) в борьбе с неприятелем (обитавшим как в горной и предгорной местности, так и на плоскости) с конкретными видами вооружения. Из этих образцов наиболее долго и широко использовались сабли, причем мечи и палаши не выходят полностью из употребления, а существуют с ними до самого конца рассматриваемого периода. С XVIII в. все большую популярность у местных воинов приобретают высококачественные образцы шашек, в производстве которых вайнахские оружейники достигли высокого мастерства.

Наиболее распространенные у вайнахов в позднем средневековье сабли в основном имели сравнительно небольшие по длине и изгибу клиники с обоюдоострым граненым острием и перекрестьями с крестовиной, являвшиеся универсальным пехотно-кавалерийским оружием. Сабли со слабоизогнутыми клинками (3 типа) продолжают использоваться горцами вплоть до XV—XVI вв., а для

XVI—XVIII вв. наиболее характерными являются среднеизогнутые (6 типов) образцы. Местные экземпляры сабель XIII—XVI вв. отличаются массивностью основных своих деталей и, в особенности, перекрестья и острия. В XVII—XVIII вв. (т. е. во время распространения на Кавказе шашек без перекрестья и ручного огнестрельного оружия) у сабель вайнахов крестовины теряют свою былую массивность и изготавливаются из менее прочного металла, причем уделяется большое внимание их декоративному оформлению. Любопытно, что сабли с мест, прилегающих к плоскости (например, сс. Майртуп и Мужичи), имеют более удлиненно-выступающее, полностью граненое острие и большую общую длину, нежели экземпляры из горной зоны края: с противником обычно боролись его же оружием.

В § 5 рассмотрены многочисленные (более 100 экз.) образцы однолезвийных боевых ножей (6 типов) и двулезвийных кинжалов (5 типов), употреблявшиеся местными воинами в тесных рукопашных схватках.

Для XIII—XV вв., т. е. в период наибольшей внешней угрозы со стороны монголо-татарских полчищ и Золотой Орды, более характерными являлись образцы боевых ножей со сравнительно узкими массивными клинками и острием, которыми в рукопашных схватках пользовались для поражения даже защищенного оборонительным доспехом противника. А бытовавшие в это время экземпляры с изогнутыми длинными клинками применялись в бою для нанесения рубяще-режущих ударов. Обладая в целом хорошими боевыми качествами, ножи с узкими клинками и острием бытовали у вайнахов и их соседей до конца позднего средневековья (а порой и позже) и получили в литературе наименование «горских» или «кавказских».

Вместе с тем, в XV—XVIII вв. на территории края появляются и получают также распространение боевые ножи новых форм, с менее узким острием, предназначенные в основном для единоборства с легковооруженным неприятелем. Из них экземпляры наиболее крупных размеров использовались в бою для нанесения как колющих, так и рубящих ударов, для чего они были достаточно хорошо приспособлены, обладая довольно прочным клинком. В это же время у значительной части образцов появляются долы-желобки для уменьшения веса клинка и кровостока.

Образцы двулезвийных кинжалов (с прямым или изогнутым клинками) отмечаются только в самых поздних местных склеповых захоронениях, относящихся в целом к XVIII в. До этого времени они не встречаются в позднесредневековых древностях всего Северного Кавказа, Дагестана и горной Грузии. Кинжалы с прямыми клинками (т. н. «кавказские») появляются у вайнахов в самом конце позднего средневековья и скорее всего на основе эволюции отдельных образцов местных боевых ножей. Вначале (с нач.

XVIII в.) они имели граненые клинки, а немного позже (видимо, уже со второй половины XVIII в.) появляются кинжалы с плоскими клинками и долами. Последние образцы с граненым острием получают позднее (особенно в XIX в.) широкое распространение на Кавказе, достигая значительных размеров в сравнении с более ранними кинжалами. Наличные же кинжалы с изогнутыми клинками (в отдельных случаях с перекрестьем), а также отдельные образцы боевых ножей являются изделиями малоазийского ремесленного производства или же изготовлены местными оружейниками в подражание им.

В § 6 исследуются сравнительно редкие для Северного Кавказа находки железных широколезвийных (3 типа), т. н. «бородовидных» и узколезвийных (1 тип) топоров, использовавшихся вайнахами как в боевых, так и в хозяйственных целях. Прослеживается, что бородовидные топоры, являясь изделиями местного кузнечного производства, испытали существенное влияние со стороны древнерусских форм. В рукопашных схватках зафиксированные образцы топоров могли эффективно поражать даже тяжеловооруженного противника посредством нанесения мощных рубящих ударов. Важно, что большинство из наличных экземпляров топоров (кроме отдельных, явно боевого назначения) могло использоваться и маломощными вайнахскими воинами-пехотинцами, представителями ополчения.

В § 7 проанализированы железные булавы (2 типа) и шестоперы (1 тип) XIII—XIV вв. — ударное оружие состоятельных вайнахских воинов. Устанавливается, что по происхождению эти образцы являются изделиями древнерусского оружейного ремесленного производства, попавшими на территорию края в результате русско-вайнахских контактов. Появление в составе комплекса вооружения горцев данных видов ударного оружия XIII—XIV вв. несомненно было связано с возникшей необходимостью более успешной борьбы с тяжеловооруженными монголо-татарскими воинами. У основной же массы местного населения были популярны на протяжении всего рассматриваемого периода истории различные типы массивных палиц (с железной или бронзовой оковкой, металлическими шипами и т. д.).

В § 8 рассматриваются немногочисленные находки позднесредневекового ручного кремневого огнестрельного оружия и различные принадлежности к нему (пистолеты, ударно-кремневые замки восточного типа, газыри, пули, пулелейки, пороховницы и т. д.), фиксируемые в основном в самых поздних вайнахских мужских погребениях. Появление (с берегов Черного моря, из Крыма, Турции, Кабарды, Дагестана и Грузии) и распространение огнестрельного оружия (вначале фитильного, а затем и кремневого) в Чечено-Ингушетии происходит не позднее конца XV — нач. XVI в. Не позднее середины XVI в. появление огнестрельного оружия оказалось

влияние на башенные фортификационные комплексы. Однако в связи с несовершенством, значительной дороговизной, уступкой по ряду важнейших качеств лучшим образцам лучного (наряду с другими видами метательного) и оборонительного вооружения ручное огнестрельное оружие не смогло вытеснить из обращения до самого конца позднего средневековья модифицированные экземпляры последних. Вайнахские оружейники постепенно наладили и собственное производство огнестрельного оружия, изготовление разнотипного пороха, добычу свинца для пуль и др.

Вторая глава — «Защитное вооружение позднесредневековых вайнахов» — посвящена описанию и научному осмыслению в целом слaboизученных видов оборонительного вооружения местных горцев.

В § 1 указывается, что в качестве защитной одежды вайнахским воинам служил железный кольчатый доспех: кольчуги и кольчатые панцири, имевшие вид рубашки с прямыми рукавами, квадратным разрезным воротом с воротником и разрезами на расширенном книзу подоле. Особо выделяется пока не имеющий аналогов панцирь XVII—XVIII вв. из с. Кулары в виде распашной рубахи с фигурным отложным воротником. Но имея в принципе одинаковый покрой и одинарное плетение, эти виды защитного вооружения существенно различались конструктивными деталями, что обычно не учитывается специалистами. Прежде всего, это разница в самой системе изготовления колец, способе их крепления, попечном сечении проволоки, по форме колец и их размерам, а также по количеству колец и в общем весе. Кольчуга была и более дорогим доспехом, нежели кольчатый панцирь.

Кольчатые панцири, появившиеся на основе эволюции кольчуг, в противовес быстрому развитию наступательного оружия, уже не позднее XV в. получили большую популярность у северокавказских горцев. Не вытеснив полностью кольчуги, они продолжали сосуществовать до начала XIX в. Порой воин использовал одновременно надетые друг на друга оба вида кольчатого доспеха, имевшие в целом не столь большой вес. Под доспехом у воина была еще специально плотно простеганная одежда: для удобства его ношения и создания владельцу дополнительных защитных качеств.

Обычно в древностях края кольчатый доспех встречается вместе с другими дорогими и разнообразными образцами вооружения, подчеркивая высокий социально-имущественный статус владельца. Вайнахские оружейники отличались своим мастерством изготовления кольчатых доспехов: в их производстве участвовали и девушки, слава о добрых изделиях которых отразилась в ряде грузинских фольклорно-этнографических сюжетов (Г. В. Джаларадзе, К. К. Чолокашвили). Кольчатые панцири (наряду с другими видами высококачественного оборонительного вооружения) неод-

нократно приобретались в Москве многочисленными вайнахскими посольствами в конце XVI—XVII в.

В § 2 подвергнуты анализу боевые наголовья чеченцев и ингушей, представленные железными коваными шлемами, мисюрками и стегаными шапками.

Вплоть до XVII в. у вайнахских воинов господствовали кованые шлемы конической и сфероконической форм, часть из которых испытала заметное влияние со стороны кочевнических и древнерусских аналогичных образцов. В XVII—XIX вв. у населения Северного Кавказа и горной Грузии получили широкое распространение (благодаря простой форме, достаточной надежности, относительной дешевизне, удобности и практичности в горной местности) мисюрки, постепенно вытеснив из обращения кованые шлемы. Правда, в течение определенного времени различные типы последних сосуществовали с мисюрками. Более того, в боевой обстановке мисюрки могли надеваться под шлемы, когда последние начали утрачивать бармицы. Однако такая ситуация продолжалась недолго, и к XVIII в. господство мисюрки в комплексе защитного вооружения горцев Северного Кавказа и Грузии определилось довольно четко. Наряду с отмечеными боевыми наголовьями в XVI—XVIII вв. у определенной части местного населения бытуют различные боевые стеганые шапки из цветной ткани или кожи, которыми и завершается эволюция боевых головных уборов горцев Северного Кавказа (Л. П. Семенов). Хотя стеганые шапки и не являлись столь надежной защитой головы, как металлические наголовья, но все же в определенной степени ослабляли силу ударов сабли, палицы и прочих видов наступательного оружия. Они с успехом могли использоваться и рядовыми воинами, так как были намного проще и дешевле железных шлемов.

В § 3 исследуются употреблявшиеся вайнахскими воинами в позднем средневековье в целом сравнительно небольшие по размерам щиты круглой формы (4 типа), удобные для всякого рода защитных манипуляций как пеших, так и конных горцев. Кроме того, при обучении подростков боевым приемам фехтования использовались и детские щиты, сплетенные из прутьев.

Наиболее древними и массовыми у вайнахов были плоские деревянные щиты, обтянутые кожей и слабовыпуклые деревянные экземпляры, покрытые кожей, с железными кругами и умбоном, а дорогие образцы остальных двух типов (плоские кожаные, на металлическом каркасе, с металлическими фигурными бляхами и выпуклые железные, цельнокованые) применялись в основном представителями феодализирующейся прослойки общества. Причем щиты третьего типа вайнахскими воинами были заимствованы у соседних горцев Грузии (т. н. «хевсурский щит»), а образцы четвертого, возможно, испытали влияние со стороны русских изделий ремесленного производства. Обнаруженные экземпляры от-

личаются своей тщательной отделкой (а в двух случаях и красочной орнаментацией художественно-магического характера), что несомненно свидетельствует о той немаловажной роли, которую им отводили, а также и высоком мастерстве их непосредственных изготовителей.

В § 4 анализируются железные налокотники и кольчные перчатки, служившие богатым и знатным вайнахским воинам для защиты рук в боевой обстановке. С ними горцы впервые познакомились в результате монголо-татарского нашествия на Северный Кавказ.

Из наличных экземпляров налокотников (3 типа) особо важное значение имеют обнаруженные образцы середины XIII—XV в. — пока очень редкие находки на европейской части нашей страны. Налокотники встречаются только в комплексе с другими разнообразными предметами защитного и наступательного вооружения. Иногда руки воина защищали налокотники разных типов. Интересно заметить, что у позднесредневековых вайнахов, как и у горцев Грузии, в бою парирование ударов клинового оружия нередко осуществлялось с помощью железных налокотников. Порой воин специально делал заточку выступающего конца большой пластины налокотника, чтобы в тесных рукопашных схватках им можно было наносить и колющие удары противнику (особенно когда последний находился за его спиной).

Боевые кольчные перчатки (2 типа) вайнахов известны лишь по рисункам поздней живописи и фольклорно-этнографическим источникам. Порой посредством крайних колец данные перчатки крепились непосредственно к налокотникам.

Третья глава — «Некоторые вопросы военного зодчества позднесредневековых чеченцев и ингушей» — характеризует наиболее слaboисследованные и актуальные проблемы военного искусства, связанные с местными фортификационными сооружениями.

В § 1 освещаются основные традиции тактики осады и обороны башенных комплексов Чечено-Ингушетии в условиях отсутствия у местного населения на протяжении всего позднего средневековья централизованного государственного объединения и регулярной армии, совершение боевых акций преимущественно небольшими воинскими отрядами. Последние обычно стремились внезапным ударом захватить башенный поселок врасплох или же принудить к сдаче конкретное укрепление с немногочисленным гарнизоном и даже цепь ему подобных. Но крупные башенные поселки с мощными оборонительными сооружениями и значительным контингентом боеспособного населения внезапным набегом захватить было довольно сложно. Поэтому одну из причин образования крупных местных башенных поселений (не ранее XVI—XVIII вв.) следует видеть в стремлении противостоять вражеским набегам совместными усилиями односельчан. Это серьезно ограничило и примене-

ние традиционного и эффективного приема (при отсутствии основных активных средств осады) «срезания» отдельно стоящих башен.

Вплоть до XIII в. основным принципом организации обороны поселений в горной зоне края было преимущественное использование естественных условий рельефа и лишь в необходимых случаях незначительное изменение и приспособление его к нуждам обороны. В XIII—XIV вв., в период очень напряженной внешней и внутренней обстановки на Кавказе, начинается массовое строительство башен в горах, когда каждое поселение превращалось в крепость. Стремление усилить обороносспособность последних вело к дальнейшему росту значения естественных оборонительных рубежей и строительству каменных (жилых, полубоевых и боевых) башен, замковых комплексов, заградительных стен. Башенные постройки обычно имели самостоятельное значение, но угроза нападения со стороны внешнего врага заставляла располагать комплексы с учетом возможного обеспечения взаимной помощи. По фортификационно-топографическим особенностям местные башенные поселки подразделяются на три группы.

У позднесредневековых вайнахов существовала отлаженная система непосредственного использования каждого типа башенных построек в боевой обстановке, их взаимосвязи в черте поселков. Проведенный анализ основных компонентов башенных фортификационных построек вайнахов, сохранившихся к настоящему времени, позволил их датировать временем не ранее середины XVI в. У местных башенных поселений можно наблюдать также очень интересные способы их водоснабжения, от которых во многом зависела жизнь осажденных, продолжительность осады.

В § 2 обобщаются и анализируются сведения о мастерах-строителях и непосредственном процессе возведения оборонительных построек горцев края. Башни в горах Чечено-Ингушетии строились даже в XIX в., а наивысшего расцвета оборонительное строительное ремесло у вайнахов достигает в XVII—XVIII вв. В позднесредневековом чеченском и ингушском обществах существовала высококвалифицированная категория мастеров-зодчих, пользовавшаяся определенными привилегиями и почетом, имевшая свои уставные требования. В среде ингушских и значительной части чеченских зодчих в XVII в. наметилась более узкая специализация в строительном деле: появление ряда профессиональных потомственных групп мастеров по возведению конкретного типа или вида построек (боевого, жилого, хозяйственного, погребального и культового характера) и менее квалифицированных ремесленников по добыче и обработке камня (камнерезчики, камнетесы). Слава о высоком мастерстве вайнахских строителей распространилась в рассматриваемое время далеко за пределами их обитания. В целом же, «башенная культура Кавказа, несмотря на локальные модifi-

кации, представляется определенным целым, в создании которого принимали участие все народы Кавказа» (А. И. Робакидзе, Г. Г. Гегечкори).

В «Заключении» подводятся основные итоги впервые проведенного специального обобщения и анализа всех доступных археолого-этнографических и других источников, связанных с вооружением и военным искусством позднесредневековых вайнахов.

Военное дело у чеченцев и ингушей в позднем средневековье находилось на достаточно высоком для своего времени уровне развития, опираясь на богатейший опыт и продолжая традиции прошлых столетий, а также постоянно творчески впитывая в себя нововведения и изобретения. Оно реально соответствовало степени их социально-экономического развития, среди обитания, насыщенным потребностям и духу всей эпохи.

Воинам края были известны и весьма искусно использовались ими все основные компоненты наступательного и защитного оружия, отдельные виды которого постоянно находились во взаимозависимости и влиянии в процессе совершенства, воздействовали на военное искусство.

Для XIII—XV вв. характерен резкий скачок в развитии всех сторон военного дела у местного населения, вызванный прежде всего наивысшей внешней угрозой нападения со стороны пришлых монголо-татарских орд. Это подтверждается, в частности, нередкой фиксацией в древностях вайнахов того времени предметов вооружения, отличающихся значительным разнообразием: происходит знакомство с новыми образцами, поиск наиболее совершенных и эффективных их форм и типов. Одновременно существенным изменениям подверглось и военное искусство. В результате поиска новых форм и конструкций наиболее надежных фортификационных сооружений в крае начинается массовое возведение башенных построек и заградительных рубежей, совершенствуется тактика их обороны.

В XVI—XVIII вв. у чеченцев и ингушей господствуют преимущественно унифицированные, часто полифункциональные или универсальные, образцы вооружения, а остальные не получают широкого распространения или вовсе выходят из употребления. Появление и распространение у вайнахов не позже XVI в. ручного огнестрельного оружия коренным образом повлияло на развитие всего военного дела. Вместе с тем, будучи еще недостаточно совершенным и очень дорогим, оно уступало в противоборстве с модифицированными видами прочного металлического защитного вооружения, а также (по ряду основных качеств) и лучшим образцам лучного метательного оружия, которые продолжали бытовать у местных воинов вплоть до начала XIX в.

Оружие все больше приобретало роль торгового эквивалента, передавалось по наследству и сравнительно редко сопровождало

погребенного. Обычно полный комплект вооружения или наиболее дорогостоящие его образцы помещались лишь в захоронениях знатных военачальников («бяччи») или же наиболее выдающихся воинов. Наметилась тенденция символической замены целого экземпляра дорогого оружия его частью или составными компонентами в вайнахских мужских погребениях.

Наивысшего расцвета в XVI—XVIII вв. достигает башенная военная архитектура, образцы которой в центральной и западной части горной Чечено-Ингушетии приобретают законченный, «классический» вид. В среде вайнахов обособляется высококвалифицированная, потомственная и привилегированная категория мастеров-зодчих со своими уставными требованиями, специализировавшаяся на возведении как оборонительных, так и погребальных, культовых построек. И оружейное ремесло, также развитое у позднесредневековых вайнахов, становится специализированным.

Наличные исходные материалы свидетельствуют о выделении и тенденции к обособлению в вайнахском обществе позднего средневековья (при отсутствии государственности) феодализирующейся военной знати и их дружины, занимавшихся и обогащавшихся преимущественно воинскими акциями и охранными мероприятиями. Они, в отличие от остальной массы населения, имели наиболее дорогие и высокосортные (часто привозные) образцы и даже полные комплекты воинского снаряжения, мощные фортификационные башенные комплексы замкового типа, необходимые навыки и специальную военно-физическую подготовку. У подавляющей же части населения в основном бытовали недорогие отдельные, «рядовые» виды оружия или же даже они вовсе отсутствовали.

На протяжении всего позднесредневекового периода истории в местных древностях явно прослеживается обряд преднамеренной порчи оружия (и прежде всего наступательных видов) или же различные действия по их «нейтрализации», что было связано как со страхом живых перед мертвыми сородичами, так и с мерами предосторожности против грабителей могил, возможности захвата оружия противником.

Кроме прямых военных целей, некоторые наступательные образцы оружия широко применялись вайнахами для хозяйственных нужд (охота и пр.), ритуальных и магических мероприятий.

Имеющиеся материалы со всей очевидностью подчеркивают существование многих сходных черт как в вооружении, так и в военном искусстве вайнахов и их соседей (прежде всего адыгов, осетин, горцев Грузии и Дагестана): развитие военного дела у них проходило в процессе взаимного влияния и обогащения, с внимательным учетом происходивших в этой области достижений. Образцы русского и подражавшего ему оружия, зафиксированные на территории Чечено-Ингушетии, а также исторические источники, подтверждают длительные и тесные русско-вайнахские военно-

союзнические связи, приведшие в итоге к добровольному вхождению чеченцев и ингушей в состав России в конце XVIII в. (1762—1781 гг.). Даже в период разорительного монголо-татарского господства в Восточной Европе, как указывают наличные данные, активные контакты населения края с русскими и Русью не только не прерывались, но и получили дальнейшее перспективное развитие.

Итоги проведенного исследования указывают на актуальность специального изучения военного дела и у населения других районов Северного Кавказа, что позволит воссоздать многие важные, но еще малоизвестные стороны их прошлой истории.

Основные положения диссертации автором опубликованы в работах:

1. Кольчуга из сел. Махкеты (Чечено-Ингушетия). — СА, 1979, 4, с. 276—278.
2. Защитное вооружение у позднесредневековых вайнахов. — В кн.: IX Крупновские чтения: Тез. докл. конф., Элиста, 1979, с. 53—54 (в соавторстве с Р. А. Даутовой).
3. О территории и этнической основе зарождения боевых башен с пирамidalным венчанием на Кавказе. — В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1979, с. 151—156.
4. Новые позднесредневековые памятники Чечено-Ингушетии. — АО — 1978. М.: Наука, 1979, с. 122—123 (в соавторстве с Р. А. Даутовой и В. Н. Калинкиным).
5. Позднесредневековые предохранительные кольца и напалечники вайнахских лучников. — В кн.: X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф., М., 1980, с. 76—77.
6. Новые средневековые памятники горной Чечни. — АО — 1979. М.: Наука, 1980, с. 129—130.
7. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами-«голгофами». — В кн.: Этнография и вопросы религиозных взглядов чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный: ЧИИСФ, 1981, с. 52—57.
8. Состояние изученности военного дела позднесредневековых вайнахов. — В кн.: Археология и краеведение — вузу и школе: Тез. докл. конф., Грозный, 1981, с. 42—44.
9. О достоверности археологических карт. — Там же, с. 69—70 (в соавторстве с С. Л. Дударевым и Е. И. Нарожным).
10. Исследования в горной Ингушетии. — АО — 1980. М.: Наука, 1981, с. 119—120.
11. Навеки в России. Плакат. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982 (в соавторстве с В. Б. Виноградовым).

12. Шлем из селения Ярышмарды (Чечено-Ингушетия). — СА, 1982, 2, с. 250—254 (в соавторстве с Х. М. Мамаевым).
13. Бойницы позднесредневековых башен Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. — В кн.: Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 год. Грозный, 1983, с. 64—65.
14. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов. — В кн.: Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИИИСФ, 1983, с. 44—80 (в соавторстве с Х. М. Мамаевым и Р. А. Даутовой).
15. О назначении железных позднесредневековых топоров из Чечни. — В кн.: Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИИИСФ, 1983, с. 68—78 (в соавторстве с Х. М. Мамаевым).
16. Некоторые общие черты в военном деле позднесредневековых вайнахов и горцев Грузии. — В кн.: Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси, 1984, с. 145—146.
17. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье. — СЭ, 1984, 1, с. 98—110 (в соавторстве с В. Б. Виноградовым).
18. Назревшая потребность изучения позднесредневекового военного дела горцев Северного Кавказа. — В кн.: Вклад молодых ученых и специалистов ЧИАССР в развитие общественных наук: Тез. докл. конф., Грозный, 1984, с. 51—53.
19. Детское погребение золотоордынского времени из горной Ингушетии. — В кн.: Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар: КГУ, 1984, с. 101—107 (в соавторстве с Е. И. Нарожным).
20. Богатое погребение воина-кочевника у села Новотерское (Чечено-Ингушетия). — В кн.: Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1984, с. 95—104.
21. Новые случайные археологические находки из Чечено-Ингушетии. — В кн.: Археология и краеведение — вузу и школе (Тезисы докладов и сообщений Второй региональной научно-практической конференции). Грозный, 1985, с. 58—59 (в соавторстве с С. Б. Бурковым и Г. Н. Вольной).
22. Нерешенные вопросы военного дела населения Чечено-Ингушетии в XIII—XIX вв. — Там же, с. 64—65 (в соавторстве с А. Х. Белхароевым и М. Н. Шельдешовой).
23. О некоторых видах защитного вооружения позднесредневековых вайнахов. — В кн.: Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. конф., Баку, 1985, с. 357—359.
24. Историко-архитектурные объекты 102-го Всесоюзного горно-пешеходного маршрута по Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИОСТЭ, 1985. — 16 с. (в соавторстве с В. Б. Виноградовым).
25. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (горная Ингушетия). — В кн.: Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИИИСФ, 1985, с. 60—68.
26. Общие и специфические черты в башенном строительстве Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. — В кн.: Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе: СОГУ, 1985, с. 103—111.
27. Роль Л. П. Семенова в изучении вопросов военного дела позднесредневековых вайнахов. — В кн.: Л. П. Семенов — профессор-кавказовед, ученый-интернационалист (К 100-летию со дня рождения): Тез. докл. конф., Грозный, 1986, с. 29—30.